

Археология: история и перспективы

Третья
межрегиональная
конференция

Ярославль
2007

Ответственный редактор:
А.Е. Леонтьев, д-р ист. наук

Редакционная коллегия:

Е.А. Анкудинова

Н.А. Грязнова

Л.А. Михайлова

Ю.Ю. Сабирова

Н.В. Артемьева

А 87

Археология: история и перспективы. Сборник статей 3-й межрегиональной конференции. – Ярославль, 2007. 260 с.

А 87

Книга представляет собой сборник статей участников III Межрегиональной конференции «Археология: история и перспективы», которая состоялась 18-19 октября 2006 г. в Ярославле. Сборник посвящен археологическому изучению Ярославского края и соседних регионов.

Книга предназначена для археологов, историков, краеведов, всех интересующихся историей.

© Коллектив авторов, 2007

© Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2007

© Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль», 2007

© Бороздинский М.Е., оформление, 2007

От редакционной коллекции

18-19 октября 2006 г. в Ярославском музее-заповеднике состоялась ставшая уже традиционной Третья межрегиональная конференция «Археология: история и перспективы». В ее работе приняли участие археологи, антропологи, архитекторы, краеведы, музейные работники, преподаватели и студенты высших учебных заведений из Москвы, Вологды, Череповца, Твери, Сергиева Посада, Плеса, Ростова, Рыбинска, Ярославля.

На конференции обсуждались проблемы изучения археологических памятников Верхневолжского региона в широком спектре от палеолита до позднего средневековья. Всего было сделано 38 докладов, ознакомивших участников с результатами полевых исследований последних лет.

Особое внимание было уделено материалам трехлетних (2004-2006 гг.) археологических раскопок в древнейшей части Ярославля, на месте планируемого строительства Успенского собора, проведенные по инициативе Администрации Ярославской области. Работы на площади свыше 2000 м² вела Ярославская экспедиция Отдела охранных раскопок Института Археологии РАН. Это первые столь масштабные исследования на территории города за всю историю его археологического изучения. В результате были изучены остатки Успенского собора XVII в., многочисленные постройки и сооружения XII-XVIII столетий, массовые захоронения, связанные с монгольским погромом 1238 г. На конференции итоги работ были представлены серией докладов авторов раскопок.

В настоящем сборнике представлены статьи, подготовленные участниками конференции.

Устроители конференции выражают благодарность Департаменту культуры и туризма Администрации Ярославской области за помощь в издании сборника.

Археологическая деятельность Ярославского и Ростовского отделений Московского археологического института

Рубеж XIX – XX веков в России отмечен подъемом общественного интереса к научной жизни, повсеместным увлечением культурно-просветительскими идеями, в том числе на местном уровне. Одним из следствий этого процесса была и очевидная склонность к созданию новых высших учебных заведений – разного рода институтов и университетов. Некоторые из таких образовательных заведений оставили в русской культуре рубежа веков яркий след. Судьба их представляет известный интерес, так как они были во многом отражением своей эпохи, столь значимой в нашей истории.

Среди новых учебных заведений начала века числится и открытый в 1907 году Московский Императорский археологический институт (МАИ). Сразу необходимо отметить, что наименование института как *археологического* следует рассматривать в контексте тогдашних привычных представлений, нередко подразумевавших под археологией не собственно узкую специальность, а вообще науку о древностях, о древней истории, культуре и искусстве. Соответственно обучение в археологическом институте предполагало обращение ко всей этой обширной сфере. Тем не менее, и археология в собственном смысле слова занимала в идее института свое, и немалое, место.

Его создание явилось следствием тогдашнего повсеместного большого интереса к отечественным древностям, а также стремления к историческому просвещению. Поэтому неудивительно, что вскоре после открытия институт обзавелся несколькими филиалами – в Смоленске, Нижнем Новгороде, Витебске, Калуге¹. В 1912 году открылось отделение в Ярославле – центре региона, особенно богатого упомянутыми древностями². А в 1921 году создается Ростовское отделение МАИ³.

Открытие этих филиалов было обусловлено и подготовлено самими обстоятельствами жизни древних городов, обладавших мощным пластом художественно-исторических ценностей, в том числе и археологических. В эпоху широкого обращения к своим историческим корням, заинтересованности всем древнерусским оно увлекло многих представителей местной интеллигенции, считавшей открытие такого образовательного заведения велением времени.

«Самое ближайшее участие в деле учреждения и открытия в городе Ярославле» отделения Московского археологического института приняла Ярославская Губернская ученая архивная комиссия. Наиболее авторитетная организация, созданная ради сохранения и изучения местной старины, не могла остаться равнодушной к основанию высшего образовательного заведения, преследующего в значительной степени те же цели. Члены ЯГУАК приняли участие в предварительных переговорах с ректором МАИ Успенским А. И., в «первичной организации» отделения, в «хлопотах по приисканию» ему помещения и т. д.⁴ Некоторые из самых известных деятелей ЯГУАК стали затем почетными членами руководства отделения, не отказываясь при этом и от практического содействия.

Как и в Москве, археология в сегодняшнем понимании не была направлением, определяющим характер деятельности ярославских отделений. Так же, как в столице, археология как наука была лишь одной из преподававшихся здесь дисциплин – которой при этом уделялось, по возможности, самое серьезное внимание. В Ярославле и Ростове, с их поистине древнейшим прошлым, иначе быть не могло. Это направление работы тщательно планировалось при организации филиалов. И, несмотря на то, что организация и работа ярославских отделений МАИ приходится на начало тяжелейшего периода отечественной истории, материалы о деятельности филиалов свидетельствуют, что это особое направление, требующее больших усилий и обеспечения, проявилось достаточно ярко⁵.

К сожалению, этого нельзя сказать о самом начале работы Ярославского отделения, поскольку данные о практических занятиях студентов археологией в 1912 – 1914 гг. звучат достаточно глухо – только как упоминания о том, что во время летних каникул такие занятия имели место в виде раскопок курганов в окрестностях Ярославля. Затем, после перерыва в несколько лет, пришедшегося на самый трудный этап, связанный с началом гражданской войны, практика проведения археологических раскопок вновь вернулась в Ярославское и Ростовское отделения МАИ. Теоретические же курсы не прерывались – так, известно, что в 1916 году первобытную археологию читал преподаватель Калитинский, в 1918 – профессор А. Г. Котельский⁶.

Почти вся практическая археологическая часть в деятельности отделений связана с именем известного археолога Дмитрия Николаевича Эдинга, профессиональная биография которого была тесно связана с Ярославским краем. Надо также отметить, что в свое время одновременно с физико-математическим факультетом МГУ он закончил и Московский археологический институт, куда поступил в 1907 году, то есть сразу после его открытия.

Еще студентом Д. Эдинг принимал участие в раскопках, а в 1913 г. провел первые самостоятельные работы. Д. Н. Эдинг был членом-корреспондентом Московского археологического общества. Работая с 1912 г. в Государственном историческом музее, в 1923 г. он возглавил там отдел славяно-финской археологии⁷. Свой курс археологии местного края он читал слушателям как Ярославского, так и Ростовского филиалов МАИ, получив известность как «совершенно незаменимый специалист». В таких выражениях о нем и говорится в прошении «об откомандировании Д. Н. Эдинга из армии», которое было направлено руководством ЯО по инстанциям в октябре 1920 года. «Откомандирование» мотивировалось исключительной ценностью работника и его специальности, с которой к тому же связывались планировавшиеся тогда раскопки в Ярославском и Тутаевском уезде⁸.

Трудно сказать, возымело действие это прошение или какие-то иные обстоятельства, но известно, что в начале зимы 1921 года Д. Н. Эдинг в Ярославле уже занимается подготовкой к работам на будущее лето, стараясь получить хоть какие-нибудь средства на их проведение. Сохранился интересный документ – протокол организационного собрания студентов по обсуждению хода занятий в Институте от 20 февраля 1921 года. Один из вопросов, который горячо обсуждался на этом собрании – «проведение в жизнь и подготовка к экспедициям, экскурсиям и раскопкам». При обсуждении этого вопроса желательность раскопок поддержали все студенты⁹.

Согласно более позднему свидетельству – датированному 11 мая 1921 года протоколу собрания Совета ЯО, на котором помимо прочего речь шла и об организации Д. Н. Эдингом раскопок близ Ярославля – смета на проведение работ составила 300 000 рублей¹⁰. Для сравнения – затраты на приобретение «волшебного фонаря», использовавшегося на лекциях, равнялись 250 тысячам¹¹. Д. Н. Эдинг направил также запрос во Всероссийскую комиссию по делам музеев, чтобы студентов, принимавших участие в раскопках, освобождали от военной службы и снабжали продовольствием¹².

Видимо, в связи с этим Отдел юстиции ярославского губисполкома просит руководство ЯО МАИ предоставить информацию о грядущих раскопках¹³. И все же на выезд в Тутаев сил и средств не хватило. В архиве сохранилось обращение в Президиум МАИ с жалобами на «невысылку жалованья и средств на студенческие раскопки» и просьбой принять неотложные меры¹⁴.

Итогом долгой подготовительной работы стали раскопки под руководством Д. Н. Эдинга летом 1921 года под Ярославлем у села Михайловское. Это была совместная работа студентов ЯО МАИ и Ярославского университета, где Д. Н. Эдинг также преподавал на факультете общественных

наук. Исследованы были четыре кургана, не затронутые проводившимися здесь раскопками В. А. Городцова и И. А. Тихомирова. Три кургана оказались с трупосожжениями, один – с труположением. Найденный в ходе работ материал Д. Н. Эдинг считал обычным, особо выдающихся находок обнаружено не было. В целом, подводя итог раскопкам, Д. Н. Эдинг определил их как вполне успешные, «ввиду проявления широкого интереса и внимания» студентов, а также хорошего усвоения ими «общих правил археологического обследования»¹⁵.

К сожалению, положительное резюме не получило продолжения во время летних каникул следующего года. Хотя проведение раскопок и планировалось, они не состоялись, чем было вызвано обеспокоенное письмо Д. Н. Эдинга в Совет Ярославского отделения в начале июля 1922 года. В этом письме он сообщает, что не состоялись намеченные им на этот сезон раскопки близ деревни Наумовской Курбской волости, проведению которых помешал недостаток времени, а также, между прочим, и «проявление легкомыслия со стороны слушателей высшего курса». Такое упущение, как пишет расстроенный Д. Н. Эдинг, «лишает читаемый курс законченности».

Далее в письме следует просьба к совету обсудить вопрос об обязательности для слушателей ЯО участия в раскопках для сдачи зачета по курсу местных древностей или практических занятий по археологии в какой-либо иной форме. Так или иначе, полевые занятия («практикум») должны быть включены в план преподавания, в противном случае курс во многом утрачивает свою цельность и завершенность¹⁶.

Оказавшись безрезультатным для Ярославского отделения, 1922 год оставил свой след в археологической истории Ростовского отделения МАИ. Здесь Д. Н. Эдингу удалось провести работы на курганной группе у д. Каяново, которые он называет «первым опытом раскопки курганов» для наиболее активных студентов Ростовского Отделения Археологического института, «посвятивших себя собирательскому и исследовательскому труду». Он высоко оценивает роль Ростовского отделения в расширении «интереса широких масс к изучению доисторического быта» и установлении «живой связи между населением и научными учреждениями»¹⁷.

Сложные финансовые и политические условия привели к тому, что в 1922 году Ярославское и Ростовское отделения МАИ, равно как и головная организация прекращают свое существование¹⁸. Разумеется, эти учебные заведения сыграли заметную положительную роль в развитии общественно-культурной ситуации в крае, оставив также определенный след в истории Ярославской археологии. Созданные на волне всеобщего воодушевления и уверенности в том, что ярославо-ростовская духовно-историческая среда будет благодатной почвой для этого вида образова-

ния, они объединили местные культурные силы, дав им направление развития и возможности для реализации. Более того, эта роль сказывалась еще долго после того, как под давлением обстоятельств оба отделения официально завершили свою работу.

Выпускники и слушатели отделений сохранили интерес к изучению местного исторического наследия, во многом они составили костяк тех сил, которые и в дальнейшем занимались проведением археологических раскопок и изучением полученных материалов на территории Ярославского края. В этом смысле можно сказать, что труд основателей и сотрудников ярославских отделений МАИ не был напрасным, и поставленная перед ними при создании задача была выполнена.

¹ МГИАМ. Ф. 376. Оп. 1-3.

² «Голос», № 245, ноябрь 1912 года.

³ ГАЯО. Ф. 2624. Оп. 1. Д. 16. Л. 36; РФ ГАЯО. Ф. Р-66. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.

⁴ Труды ЯГУАК. Книга VII. Вып. 2. Ярославль. 1913. С. 12.

⁵ ГИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 69.

⁶ ГАЯО. Ф. 2624. Оп. 1. Д. 8. Л. 1; Д. 2. Л. 1.

⁷ ГАЯО. Там же. Д. 16. Л. 33.

⁸ ГАЯО. Там же. Лл. 8, 48.

⁹ ГАЯО. Там же. Д. 19. Л. 1.

¹⁰ ГАЯО. Там же. Д. 17. Л. 2.

¹¹ ГАЯО. Там же. Л. 3.

¹² ГАЯО. Там же. Л. 2.

¹³ ГАЯО. Там же. Д. 10. Л. 28.

¹⁴ ГАЯО. Там же. Д. 17. Л. 3.

¹⁵ ГАЯО. Там же. Д. 19. Л. 1.

¹⁶ ГАЯО. Там же. Д. 16. Л. 33.

¹⁷ Эдинг Д. Н. 1928. Сарское городище. Ростов. С. 3-4.

¹⁸ ГАЯО. Ф. Р-66. Оп. 1. Д. 6. Л. 16; Д. 3. Лл. 13-14.

А. Н. Башенькин

Сопковидная насыпь у деревни Никольское на реке Суде

Могильник Никольское XI представляет большой интерес в связи с нахождением в нем высоких сопковидных насыпей, которые известны на р. Суде лишь в трех группах. Впервые могильник упоминается в сводке И. Романцева¹. В 1929 г. он был обследован Г. П. Гроздиловым и В. И. Равдоникасом², в 1960 г. – Н. В. Тухтиной³. В 1974 г. А. В. Никитин раскопал 4 кургана и сопку⁴. В сопке обнаружено несколько погребений по обряду трупосожжения, в курганах погребений не найдено. А. В. Никитин датировал могильник не позднее XI в. и отнес его к славянским памятникам. Это также являлось одной из причин проведения в 1984 г. раскопок на могильнике, т.к. все остальные средневековые памятники у д. Никольское имеют ярко выраженный финно-угорский характер⁵.

Могильник расположен в 1,5 км к северу от д. Никольское в междуречье Суды и ее правого притока Колпцы (рис. 1, 2). Суда сейчас протекает в 100 м от насыпей, но ее старое русло хорошо прослеживается рядом с курганами, образуя старицу. В древности высокие насыпи находились непосредственно на берегу Суды, а небольшие курганы – вблизи Колпцы. Могильник расположен на ровном поле, которое еще в 1974 г. распахивалось. Высота над уровнем воды 4-5 м. В настоящее время поле заброшено, поросло мелким лесом и кустарником, однако на курганах стоят многолетние сосны и березы. Могильник интенсивно разрушается с конца XIX в. распашкой и грабительскими раскопками. При обследовании в 1929 г. зафиксировано 3 сопки высотой 3-4,5 м при диаметре 14-18 м и 10 курганов. В 1974 г. А. В. Никитин отметил 6 курганов и 4 высокие насыпи, причем от некоторых сохранились лишь остатки. А. В. Никитиным были раскопаны наиболее сохранившиеся насыпи №№ 2-6, в четырех из которых погребений обнаружить не удалось, возможно, вследствие разрушений. К моменту наших раскопок сохранились остатки двух небольших курганов; 2 насыпи большого диаметра, от которых, видимо, дошли до основания; и одна насыпь № 7 высотой 3,5-4 м, диаметром около 19 м, также имеющая сильные повреждения. К западу от этой насыпи удалось выявить остатки еще одной насыпи большого диаметра, полностью разрушенной. Высота ее около 0,6 м, ранее при обследованиях она не фиксировалась. Учитывая, что в наиболее высокой насыпи № 7 могли сохраниться не разрушенные погребения, были предприняты ее раскопки.